

Я. А. Шолте¹

ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ БУДУЩЕЕ?

Введение²

Лихачевские чтения 2018 года состоятся в такой период, который в мировой политике вряд ли можно назвать безоблачным. Сейчас повсюду можно услы-

¹ Профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция). Соруководитель Центра исследований мирового сотрудничества Университета Дуйсбург-Эссен (Германия), визит-профессор кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Преподавал в Уорикском, Сассекском университетах, Лондонской школе экономики и Институте социальных исследований в Гааге. Работал советником в Международном валютном фонде, Всемирной торговой организации, Международной информационной организации "Internet Corporation for Assigned Names and Numbers" (ICANN). Автор ряда работ по глобализации, в т. ч.: "Globalization: A Critical Introduction", "Civil Society and Accountable Global Governance" и др.

шать, что человечество разделено на так называемые основополагающие, внутренне совершенно однообразные и диаметрально противоположные друг другу культуры. Именно бинарный подход к проблеме политической идентичности породил, среди прочего, противопоставление России и Запада. Каждая из сторон в этом споре считает себя воплощением добра, а другую сторону — зла. От конструкции «мы–они» всего один шаг до взаимного страха, дискриминации, конфликтов и насилия.

² Данная работа основана на более ранних публикациях, включая: *Scholte J. A. A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation // International Journal of Cultural Research. 2014. Apr. № 1 (14). P. 82–87 ; Global Cooperation through Cultural Diversity: Remaking Democracy? / ed. J. A. Scholte. Duisburg : Centre for Global Cooperation Research, Global Dialogues 8, 2015.*

Подобные сценарии с бинарным подходом к культурной политике, разумеется, отнюдь не новы. Тема «Россия против Запада» постоянно (уже в течение нескольких веков) муссируется. Другие давние культурные оппозиции противопоставляют, например, христианство и ислам, жителей какой-либо страны и иностранцев, белых и «цветных», людей и природу и т. д. Бинарные конструкции современной идентичности определяют культурную основу современности.

Как атрибут современности, бинарная культурная политика является историческим феноменом. Такой (не)правильный подход к проблеме культурного многообразия свойствен человеческой природе. Это не естественное для человека поведение. Если создание бинарных оппозиций — лишь привычка, связанная с контекстом, то нам необходимо заняться разработкой другого подхода к осуществлению культурной политики. Каковы же наши возможные альтернативные решения?

В данной статье я рассматриваю вышеописанную проблему как состоящую из четырех этапов. В первом разделе представлена общая концепция культуры, которая станет основой для нашей дискуссии. Второй раздел посвящен обсуждению основных параметров бинарного подхода к культурной политике и рассказывает о вредном влиянии такого подхода. Третий раздел рассматривает три альтернативы (мультикультурализм, монокультурализм и интеркультурализм) и находит в каждой из них существенные недостатки. В четвертом разделе обсуждается еще одна возможность, которую я называю «транскulturализм» и считаю наиболее многообещающей альтернативой развитию культурной политики мирового сообщества.

Культура

Обсуждение мирового культурного развития должно строиться на определении понятия «культура». Сам термин «культура» имеет множество толкований. В рамках нашей темы я именуую культурой процессы социальной конструкции смыслов. Таким образом, культура — это то, как люди совместно познают ситуацию, в которой они оказались, их способ сформулировать или переформулировать, выразить, коммуницировать, получать и договариваться о том, что составляет мир, способы и стиль их существования.

Культура оказывает серьезное влияние и на другие параметры социальных отношений. Например, она влияет на то, как люди относятся к биосфере в более широком смысле слова — экологии. Культура также оказывает влияние на то, как люди управляют ресурсами (экономика), как они представляют себе свою идентичность (психология), регулируют свои сообщества (управление), создают и наносят на карту пространство (география) и размечают и ощущают время (история). При этом я не утверждаю, что культура — это единственный определяющий фактор общественной жизни. Важно лишь представлять, что во всем общественном есть культурный компонент.

В связи с этим серьезным влиянием культура теснейшим образом связана с социальной властью. С одной стороны, отношения между властью и обществом

определяют форму, которую принимает культура. С другой — культурные конструкции в зависимости от своей формы могут усилить или подрывать отношения между обществом и властью.

Культуры разных народов мира значительно отличаются друг от друга. Каждый народ изучает свою историю и по-своему выстраивает свою судьбу. В обществе бытует много культурных отличий, диаметрально противоположных представлений о том, как устроен мир, и каждая цивилизация при этом имеет стройное объяснение именно своей версии. Никакого культурного единообразия сегодня нет и не ожидается в будущем.

Культурные отличия принимают различные формы. Чаще других говорят о национальных, этнических и религиозных отличиях. Но культурные отличия зависят и от возраста, касты, социального класса, здоровья, пола, географии, принадлежности к определенной организации, языка, хобби, расы, сексуальной ориентации и профессиональной занятости. Поэтому можно выделить молодежную культуру, бизнес-культуру, культуру горных народов, парламентскую культуру, культуру футболистов, гей-культуру, военную культуру и т. д.

В ходе социального конструирования определенных понятий при этом пересекаются различные векторы и направления, выделяются отдельные измерения жизни разных миров, которые тем не менее не изолированы друг от друга. Например, бизнес-культуры отличаются по национальному признаку, культуры пола — по социальному классу, исламские культуры — по возрастным группам и т. д. Относительная важность определенных аспектов культурного многообразия и то, как они объединяются между собой, меняются от контекста к контексту.

Культуры также меняются со временем. Культура никогда не бывает статичной, она постоянно подвержена изменениям. Для культурного производства характерны как постоянство, так и изменения. Даже фундаменталисты, которые, по их словам, живут согласно исконной правде, часто изобретают новые смыслы. В связи с неизбежной эволюцией культуры проблематичной является позиция традиционалистов, которые считают, что необходимо обязательно сохранять ценности прошлого.

Важно разграничить понятия «культурное многообразие» и «культурные отличия». Культурные отличия включают не только разнообразные факторы, но и несопоставимые отдельные идеи и различные представления о мироустройстве. Многие из таких представлений отражают диаметрально противоположные религиозные верования или абсолютно несовместимые представления о том, что вызывает смех и над чем можно шутить. Некоторые культурные несоответствия безобидны, и люди договариваются взаимно признавать эти отличия; другие же культурные отличия кажутся совершенно невыносимыми (люди не понимают и не принимают эти отличия и активно им сопротивляются). Культурные отличия, которые стороны признают неприемлемыми, составляют особенно сложную тему для переговоров.

Политика культурного многообразия и уважения отличий может стать реальным испытанием для общества. Конфликты по поводу мировоззрения и образа жизни во всем мире часто принимали жестокий характер и наносили огромный вред. Поэтому очень важно разрешить вопросы культурного многообразия и культурных отличий с точки зрения конструктивного, а не деструктивного подхода. Но как этого достичь?

Бинарная культурная политика

Доминирующий современный подход к политике культурного многообразия и отличий использует парадигму бинарной культурной политики; обычно такой подход наносит вред духу сотрудничества и мира в политической сфере. Бинарные конструкции кажутся привлекательными, потому что они просты, но они полностью игнорируют сложные аспекты культуры, о которых я упоминал выше. Кроме того, бинарные концепции часто приводят к созданию преувеличенно категоричных противопоставлений, что обуславливает рост дискриминации, изоляции, конфликтов и насилия.

Во-первых, бинарный подход упрощает понятие культуры, представляя все культурные параметры в виде всего лишь пар концепций. Бинарное мышление делит все представления человека о мире на «свое» и «чужое», «нас» и «их», членов группы и посторонних. Бинарные оппозиции приводят к тому, что мы подходим ко всем общественным явлениям с точки зрения дуализма: два класса, две цивилизации, две нации, две расы. В каждом из этих случаев культура предстает в форме ложной дихотомии, которая не предусматривает никакого промежуточного варианта. Тем не менее, как мы отмечали выше, на практике культуры не распределяются на герметично изолированные категории.

Во-вторых, при бинарном подходе культура предстает перед нами однонаправленной. Другими словами, наши представления о культуре сводятся к простой дихотомии двух понятий, разделяющих культуру и общество. В разнонаправленных векторах культурной жизни бинарные оппозиции прежде всего ориентируются на разные аспекты: национальные, этнические, религиозные и иные. В каждом случае один тип бинарной оппозиции преобладает над всеми остальными. А ведь на самом деле культура развивается гораздо более хаотично; постоянно изменяется относительная значимость разных элементов культуры.

В-третьих, бинарная позиция чрезмерно упрощает культуру, придавая им определенную сущность. Обеим сторонам в этом противопоставлении приписываются свои собственные именно данной стороне, строго закрепленные, неизменные характеристики. Таким образом, бинарное мышление выделяет основные представления о том, каковы и как себя ведут вьетнамцы, туземцы, евреи и другие идентичности. Каждая культура имеет корни, которые прикрепляют ее к определенному месту. Каждый, кому приписывается определенный культурный ярлык, наделяется набором определенных, свойственных ему качеств. Тем не менее на практике очень сложно выделить основные и неизменные характеристики определенной культуры.

В-четвертых, бинарная культурная политика противопоставляет полюсы бинарной оппозиции друг другу. В этом случае две стороны становятся взаимоисключающими. Возникают противопоставления «коренной житель — иммигрант», «гетеросексуал—гомосексуал», «Россия—Запад» и т. д. «Другой» в такой оппозиции рассматривается как полная противоположность «себе». Если ты включен в одну из культур, то таким образом исключаешься из других парадигм мировоззрения. Единство внутри культуры достигается посредством отрицания того, что извне. От бинарных оппозиций недалеко до создания групповой иерархии с соответствующей практикой дискриминации. Верхние элементы иерархии становятся праведными и всемогущими, а «чужие» — недостойными и слабыми, со множеством недостатков. Именно поэтому бинарные представления о культурной политике привели к возникновению дискриминации по способностям, возрасту, классовой принадлежности, сексуальной ориентации, полу, расе и др.

Такие представления обусловили возникновение четырех самых значимых тенденций в культурной политике: привычки к созданию бинарных оппозиций разделяют, упрощают, сталкивают культуры и сводят культурное многообразие к описанию ограниченных характеристик. Эти тенденции стали нормой в современной практике в области культурной идентичности, что уже привело к деструктивным последствиям в местной и международной политике. Возникает вопрос: существуют ли альтернативные, более конструктивные подходы к пониманию культурной политики?

Альтернативы со своими недостатками: мультикультурализм, монокультурализм, интеркультурализм

Другие модели культурной политики называются мультикультурализм (иначе — коммунитаризм), монокультурализм (иначе — универсализм или ассимиляционизм) и интеркультурализм. У каждой из них есть значительные недостатки, не позволяющие использовать их в качестве модели для описания сложно устроенной культуры. После описания недостатков этих моделей я перейду к более многообещающей альтернативной модели — транскультурализму.

Коммунитаризм, или мультикультурализм, утверждает, что человечество разделено на множество взаимоисключающих культурных групп, которые в основном ведут обособленный образ жизни и стремятся к уважительной взаимной толерантности. Избегание более тесных контактов между отличающимися друг от друга культурами, гласит эта модель, снижает вероятность конфликтов, уменьшает чувство страха, предотвращает насилие. Но, как мы уже говорили, человечество на самом деле не делится на четко сформированные отдельные «культуры». Культурный сепаратизм в рамках данной модели не соответствует реальному взаимному проникновению культур, которое мы наблюдаем в наше время. К тому же многие современные проблемы общественного устройства настоятельно требуют организации сотрудничества между культурами, невзирая на отличия. Поэтому сегрега-

ция, которую предлагает коммунитаризм, не является эффективным и практически осуществимым способом действий.

Второй альтернативой бинарной культурной политике является монокультурный либеральный универсализм, согласно которому все люди на планете должны оставить свои культурные отличия и последовать положениям западной модели мироустройства. Однако в настоящее время на Западе в рамках принятой философии не существует решений сложных общественных проблем, возникающих в мире. В определенном смысле некоторые характеристики этой системы, такие как эксплуатация труда капиталистами и «заносчивость» научного знания, ведут к усугублению существующих проблем. Кроме того, понятно, что большие общественные группы не приемлют, полностью или частично, всех принципов современной западной культурной модели и считают, что распространение таких взглядов является формой распространения империализма. В этом смысле либеральный космополитизм не помогает, а мешает демократическому всемирному сотрудничеству.

Третий подход к проблеме культурного многообразия — интеркультурализм — исправляет ошибки и недостатки мультикультурного коммунитаризма и универсального космополитизма, признавая потребность в создании социального кондоминиума на основе многочисленных моделей мироустройства. Согласно модели интеркультурализма, при аккуратном планировании кросс-культурного общения и ведении переговоров можно избежать разрушительного «столкновения цивилизаций» и наладить конструктивное сотрудничество. Однако у модели интеркультурализма существует важный недостаток: она не преодолевает представления мультикультурализма о том, что культуры разделены на отдельные группы, в то время как на самом деле различные модели мироустройства дополняют друг друга и пересекаются между собой. Кроме того, интеркультурализм отрицает тот факт, что при поиске общих значений среди культурных отличий приходится решать проблемы неравенства возможностей в рамках различных моделей мироустройства. Интеркультурализм также не обращает внимания на то, что некоторые культурные проблемы являются источником глубоких конфликтов и только доброй воли может быть недостаточно для достижения межкультурного кондоминиума.

Разумеется, данные представления о мультикультурализме, монокультурализме и интеркультурализме несколько упрощены, но и этого краткого описания достаточно, чтобы понять, что у каждой из этих моделей существуют серьезные недостатки, не позволяющие им стать основой для налаживания межкультурного диалога. В качестве альтернативной модели предлагаю использовать подход, который я называю транскультурализмом.

Транскультурализм

Идея транскультуры сама по себе не нова. Еще в 1940-х годах антрополог Фернандо Ортис ввел термин «транскультурация», который описывает смеше-

ния и объединения разных моделей мироустройства¹. С недавних пор идеи транскультурализма используются в исследованиях Артуро Эскобара, Уолтера Миньоло, Вольфганга Уэлша и др.² При этом новая концепция транскультурализма, основанная на семи принципах, которые описываются ниже, представляет собой новый взгляд на этику и политику культурного многообразия.

Первое положение транскультурализма, которое подчеркивает *необходимость рефлексии*, во многом задает тон остальным шести положениям. Рефлексия — это форма критического самоанализа, которая постоянно предупреждает о наличии и ставит под сомнение положения партикуляризма (то есть неуниверсальности) идей и практик отдельного индивидуума. Тот, кто занимается рефлексией, четко формулирует свои предположения и постоянно связывает собственные знания и поведение с соответствующим историческим и социальным контекстом. Рефлексирующий субъект никогда не претендует на существование культурной «верховой истины». Тот, кто занимается саморефлексией, обычно остро ощущает, что его собственная модель мироустройства отличается от того, как на мир смотрят остальные. Создание общих представлений на фоне культурных отличий происходит тогда, когда посредством рефлексии стороны начинают более четко осознавать характер существующих между ними отличий. Поиск самопознания такого рода обычно отсутствует в рамках тех моделей культурного многообразия, которые я описал выше.

Второй постулат транскультурализма подчеркивает *необходимость признания отношений между культурой и властью*, что означает, что социальная конструкция смыслов всегда сочетается с взаимодействием и противодействием потенциалов участвующих в дискуссии сторон. В рамках транскультурной политики важно определить, выделить и подвергнуть изучению структурные неравенства между разными представлениями о мироустройстве, особенно в ситуациях, в которых гегемон произвольно маргинализирует другие рациональные объяснения реальности. В рамках транскультурализма как модели стороны изучают, сравнивают и подвергают сомнению преимущества и недостатки разных представлений о мироустройстве. Участники диалога в рамках такой модели признают, что культурная субординация может вызывать гнев, подозрение и сопротивление со стороны тех, кто подвергается замалчиванию. К тому же субъекты, занимающие доминирующее положение в культуре, участвуя в транскультурном диалоге, обязуются изменить свое мировоззрение и оставить в стороне присвоенные и необоснованные привилегии. Устойчивое глобальное сотрудничество достижимо, но для этого стороны должны открыто и честно обсудить иерархию культурных источников власти, отказаться от попытки использо-

¹ Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, NC : Duke University Press, 1995 [1940].

² Mignolo W. D., Schiwy F. Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation // Translation and Ethnography: The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding / eds. T. Maranhao, B. Streck. Tucson : University of Arizona Press, 2003. P. 12–34 ; Welsch W. Transculturality — The Puzzling Form of Cultures Today // Spaces of Culture: City, Nation, World / eds. M. Featherstone, S. Lash. L. : Sage, 1999. P. 194–213.

вать нечестное конкурентное преимущество и согласиться соблюдать принципы равных возможностей, взаимоуважения и право высказывать свое мнение.

Третий постулат транскультурализма требует *признания комплексного характера культуры*. Это значит, что участники межкультурного диалога должны признать, что культура не состоит из четко определенных, взаимоисключающих групп, которые однородны и противопоставлены одна другой в рамках бинарной оппозиции — как культура обычно описывается в рамках других подходов. Культура в ее живом опыте допускает пустоты, пересечения, наложения, изменения и перемещения культурных слоев. Признавая комплексный характер культуры, мы должны дать каждому человеку право иметь собственную многомерную и подвижную модель мироустройства. В результате создания такого более нюансированного и открытого понимания себя и других мы закладываем более прочные основы для глобального сотрудничества.

Четвертый постулат транскультурализма основывается на *уважении многообразия*. Этот принцип требует не только признания, но и всестороннего уважения и продвижения идеи плюрализма моделей мироустройства. В отличие от других подходов, транскультурализм не рассматривает отличия как проблему, которую нужно в лучшем случае терпеть. Наоборот, в рамках этой модели культурный плюрализм приветствуется как источник творческого подхода. Контакты между разными моделями мироустройства в рамках такого подхода представляют собой возможности для развития новых точек зрения, раскрытия более широкого потенциала, поиска альтернативных ответов на вопросы. В рамках модели транскультурализма глобальное сотрудничество не ставится в зависимость от создания консенсуса вокруг общих смыслов и значений. В принципе различные точки зрения и практики относительно одного и того же вопроса могут изучаться одновременно и параллельно, взаимно дополняя друг друга. С точки зрения транскультурализма не необходимо, а даже, наоборот, антидемократично принуждать всех соответствовать одной и той же культурной модели.

Пятый постулат транскультурализма призывает к *смирению перед лицом культурных отличий*. Культурное многообразие следует признавать, и поэтому в рамках определенных культурных значений возможно существование несоизмеримых и взаимоисключающих тем, которые в случае взаимного отрицания вызывают еще большее стремление к отделению и противопоставлению. Именно поэтому модель транскультурализма в данном аспекте обуславливает *смирение перед лицом культурных отличий*. Вместо того чтобы немедленно перейти к конфронтации и требовать признания своей исключительной добродетели, в рамках данного подхода стороны договариваются провозгласить несовершенство собственной модели мироустройства и ограниченность метода сравнения преимуществ и недостатков разных моделей. Если мы, с одной стороны, признаемся в ограниченности человеческого опыта, а с другой — восхитимся многообразием творческого потенциала человека, то сумеем преодолеть огуль-

ное отрицание других моделей мироустройства и создадим основу для максимально возможного признания межкультурных отличий. Смирение, которое я предлагаю в рамках модели транскультурализма, не обязательно требует признания всех отличий и не призывает к уважению позиции тех, чьи ценности нам неприятны. Предотвращая поспешное отрицание и жестокое подавление культурных отличий, в рамках модели транскультурализма человечество тем не менее имеет возможность создать основы для уважительного сосуществования.

Смирение перед лицом культурных отличий ведет к шестому — основному — принципу транскультурализма — требованию *глубокого ответствующего слушания*. Умение внимательно выслушивать различные мнения — один из самых дефицитных навыков в современной политике. Слушание в рамках модели транскультурализма предусматривает не только внимательность, терпеливость и концентрацию внимания на собеседнике, но и стремление к эмпатии, получению обратной связи и сообщению новых смыслов своему собеседнику. При этом не имеется в виду, что внимательное выслушивание само по себе может помочь преодолеть культурные разломы. Тем не менее ответствующее слушание, которое мы используем в рамках данной модели, позволяет участникам вырабатывать совместные решения, которые признают культурное многообразие и уважают иные модели мироустройства. В этом смысле в рамках модели транскультурализма слушание становится актом солидарности. Если такому подходу следуют обе стороны, то это позволяет им лучше познакомиться друг с другом и научиться доверять друг другу.

Седьмой, последний, тезис в рамках модели транскультурализма предполагает *взаимное обучение* с целью развития положительных изменений в условиях многообразия моделей мироустройства. Обмен между разными моделями культурной жизни в рамках данной модели рассматривается как возможность узнать новое, что, в свою очередь, способствует положительным социальным трансформациям. Взаимоотношения между различными моделями (особенно если, как в рамках модели транскультурализма, участники думают, создают сложные системы, действуют открыто, с чувством смирения перед многообразием мира и внимательно слушают) становятся источником совместной сознательной культурной *реконструкции*. Транскультурный подход не только признает внутреннюю динамику культуры, но и приветствует и способствует развитию творческого потенциала, которому участники следуют в ходе взаимной трансформации. Включение культурного многообразия в диалог дает возможность сторонам принять существование иных способов восприятия реальности. Необходимо не только призывать другую сторону измениться, но и учиться у своего партнера по коммуникации. В ходе этого процесса тем не менее обычно не наблюдается культурной конвергенции: разные стороны сделают из этого разные выводы и начнут принимать решения в различных контекстах, что приведет к большому разнообразию локальных изменений.

Заключение

В рамках вышеописанных семи принципов модель транскультурализма предлагает огромные положительные сдвиги. С одной стороны, транскультурализм способствует созданию живой культурной среды, что ценно само по себе. Сосуществование разнообразных и динамичных моделей мироустройства в обществе людей доброй воли приведет к процветанию человеческой цивилизации. Если отвлечься от непреодолимых отличий, культурное многообразие интригует, обогащает, его интересно изучать.

Кроме того, динамика культурной среды в рамках этой модели будет способствовать продвижению в обществе других основополагающих ценностей. Признание и вовлечение культурного многообразия в процесс взаимных перемен, демократического развития, справедливого распределения благ, свободы, мира и солидарности также будут способствовать совершенствованию человеческого сообщества. При этом важно осознавать смирение перед лицом культурного многообразия, учиться слушать и учиться друг у друга — это откроет новые пути развития комплексного идеологического подхода и материальной безопасности для всех людей на Земле.

Тем не менее, транскультурализм — не панацея. Этот подход не дает ответов на вопросы, связанные с экологией, не решает проблемы нарушения прав человека и не меняет хрупкого характера демократического мироустройства. В целом социальные изменения, которые возникают в результате обмена в рамках данного подхода, необязательно ведут к улучшению ситуации.

Более того, неравенство возможностей влиять на ситуацию может оттолкнуть людей от претворения в жизнь данного подхода. Например, на принци-

пах бинарной культурной политики процветают многие демагоги. Другие элиты видят для себя привилегии в рамках ассимиляционного подхода либерального космополитизма. Определенные общественные движения черпают силы из мультикультуралистического подхода, требующего сохранения «традиций», и в связи с этим будут сопротивляться положениям вышеописанной модели — смирению перед культурным многообразием, необходимости слушать и требованию взаимных изменений.

Транскультурализм сам по себе имеет политическую природу: на практике он всегда будет более выгоден одним, чем другим. С одной стороны, транскультурализм способствует развитию уважения, дает право голоса всем сторонам, увеличивает уровень представленности тех, кто оказался на обочине политического процесса. Однако при определенном сценарии развития транскультурализм может укрепить и даже увеличить культурное неравенство в обществе. В определенных условиях транскультуралистическая модель может использоваться гегемоном, который убедит подчиненные группы сотрудничать с ним. В таком случае транскультурализм будет способствовать легитимизации несправедливости, а не сопротивлению ей и борьбе с ней.

Именно поэтому, несмотря на то что выгоды данной модели для демократического глобального сотрудничества могут быть значительными, достижение этих выгод вряд ли может быть гарантировано. Сам по себе данный подход не обладает внутренним положительным потенциалом, это зависит от контекста реализации модели и применяемых практических методов. Поэтому, несмотря на то что транскультурализм обладает определенным потенциалом, на настоящем этапе необходимо его тщательное критическое осмысление.